

Научная статья
УДК 81(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-317-333
EDN: YKIPUV

ИРОНИЯ В ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Мадина Хасанбиевна Токмакова¹, Борис Чамалович Бижоев²

^{1,2} Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия.

¹ tokmak_madina_h@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

² bizhoviev1952@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8193-7126>

Аннотация. В данной статье исследуется ирония в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка. Замечена связь выражения и восприятия иронии с культурными предпосылками общества. Отмечена двоякая функция, выполняемая иронией в эмотивной лексике. На примерах из кабардинской художественной литературы рассматриваются основные способы и средства выражения иронии (метафора, гиперболическое сравнение, олицетворение, различные стилистические фигуры, графические обозначения), ее виды (ирония, самоирония, ирония автора). Упоминается о нередком соседстве иронии с ложью и использовании их при манипуляции. Показано, как в эмотивных текстах происходит реализация словарной эмотивной семантики, но чаще всего как не маркированные эмотивностью словарные единицы «приобретают» эмотивно-коннотативные значения. Выявлено влияние иронии на развитие метафорических значений полисемантических слов, энантиосемии.

Ключевые слова: ирония, эмоции, культура адыгов, энантиосемия, стилистическая фигура, самоирония.

Для цитирования: Токмакова М.Х., Бижоев Б.Ч. Ирония в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 317-333. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-317-333. EDN: YKIPUV.

© Токмакова М.Х., Бижоев Б.Ч., 2024

Original article

IRONY IN EMOTIONAL VOCABULARY KABARDINO-CHERKASSIAN LANGUAGE

Madina H. Tokmakova¹, Boris Ch. Bizhoviev²

^{1,2} The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia.

¹ tokmak_madina_h@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

² bizhoviev1952@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8193-7126>

Abstract. This article explores irony in the emotive vocabulary of the Kabardian-Circassian language. The connection between the expression and perception of irony and the cultural prerequisites of society has been noted. The dual function performed by irony in emotive vocabulary is not-

ed. Using examples from Kabardian fiction, the main ways and means of expressing irony (metaphor, hyperbolic comparison, personification, various stylistic figures, graphic symbols), its types (irony, self-irony, author's irony) are considered. Mention is made of the frequent proximity of irony to lies and their use in manipulation. It is shown how in emotive texts the implementation of dictionary emotive semantics occurs, but most often how vocabulary units not marked with emotivity "acquire" emotive-connotative meanings. The influence of irony on the development of metaphorical meanings of polysemantic words and enantiosemy has been revealed.

Key words: irony, emotions, Circassian culture, enantiosemy, stylistic figure, self-irony.

For citation: Tokmakova M.H., Bizhiov B.Ch. Irony in the emotive vocabulary of the Kabardian-Circassian language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 317-333. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-317-333. EDN: YKIPUV.

© Tokmakova M.H., Bizhiov B.Ch., 2024

Ирония не относится психологами к базовым эмоциям и практически не описывается в специальной литературе [Додонов 1978; Изард 1980]. Однако тот очевидный факт, что ирония включает в себя определенный эмоциональный компонент, активно используемый в речи (как устной, так и письменной), связан с эмоциями, позволяет нам рассматривать ее в рамках эмотивной лексики. «Ирония как эмоция, – пишет Т.А. Желватых, – формируется в процессе мыслительной творческой деятельности, психофизиологическое исследование которой только зарождается» [Желватых 2006: 8]. В отличие от остальных эмоций, в иронии «эмоциональная рефлексия дополняется логической, сравнением ценностных потенциалов субъекта иронии и объекта» [Пивоев 1982: 55].

По определению И.В. Арнольда, иронией называется «выражение насмешки путем употребления слова в значении, прямо противоположном его основному значению, и с прямо противоположными коннотациями, притворное восхваление, за которым в действительности стоит порицание» [Арнольд 2002: 128]. Здесь возникающий эмоциональный компонент вытесняет предметно-логическое значение или значительно его модифицирует [Арнольд 2002: 152]. Ирония используется не только в повседневной жизни, в разговорной речи, также это часто применяемый стилистический прием в художественных произведениях, литературной критике, журналистике и т.д. В языкознании иронии посвящены работы С.И. Походни [Походня 1989], О.П. Ермаковой [Ермакова 2011], Е.А. Иванцовой [Иванцова 2016], Г.В. Барышниковой, И.И. Дубининой [Барышникова, Дубинина 2016], Ю.Н. Эбзеевой, Г.Н. Ленько [Эбзеева, Ленько 2016] и др., раскрывающие виды, средства выражения данного явления.

Актуальность работы обуславливается важностью полиаспектного анализа эмотивной лексики, к которому относится и исследование иронии как эмоциональной составляющей, отражающей специфику адыгской этнической культуры. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые рассматриваются способы выражения и восприятия иронии в кабардино-черкесском языке через призму испытываемых эмоций. Цель данной статьи – исследовать явление иронии в кабардино-черкесском языке, а именно проанализировать эмоциональные ситуации, обозначив основные языковые средства реализации иронии. В работе были использованы методы обобщения, конкретизации и следу-

ющие виды анализа: словарных дефиниций, компонентный, описательный и контекстуальный.

Одной из основных проблем эмотивной лексики является определение иронии как положительной или отрицательной эмоции. По мнению Э.А. Нушикяна, ирония, как и удивление «могут быть использованы как для выражения положительных, так и отрицательных эмоций...» [Нушикян 1986: 29]. В сущности, как он отмечает, в реальной жизни встречаются больше смешанные формы проявления эмоциональных реакций, нежели только положительные или отрицательные [Нушикян 1986: 30]. Двойственная оценка иронии, по наблюдениям Т.А. Желватых, объясняется отчасти структурой эмоции иронии, объединяющей «элементы как отрицательных переживаний, вызванных несоответствием объекта оценки заданным критериям, так и положительных, обусловленных осознанием собственного превосходства над ним и чувством эстетического наслаждения продуктом своего речетворчества» [Желватых 2006: 8]. При этом она отмечает, что, как правило, ирония используется как отрицательная эмоция, нежели как положительная – «возможно, это связано с тем, что носители русского языка при дружеском расположении к собеседнику редко допускают применение насмешки в непосредственном общении» [Желватых 2006: 8]. Вследствие с данным суждением встает вопрос о взаимосвязи иронии и культуры – может ли национальная культура влиять на выражение и восприятие иронии?

Как отмечает В.М. Пивоев, ошибочно было бы рассматривать иронию в рамках узкого функционального контекста, «ирония — сложное явление культуры» [Пивоев 1982: 60], «в своих истоках она не столь отчетливо выражена как индивидуально-интеллектуальные типы, ибо спонтанна, эмоциональна и характеризует массовое самосознание» [Пигулевский 2002: 4]. Несомненно, что ирония отражает самобытность той или иной культуры и для понимания ее необходимо, как пишет З.А. Заврумов, «так называемый «вертикальный контекст», подключающий к толкованию текста социокультурные и историколитературные глубинные смыслы» [Заврумов 2016: 54]. «В определенном смысле каждый народ существует в своем собственном измерении, в собственной системе координат...» [Бгажноков 2010: 80], что отражается, в свою очередь, на его языке, который является средой «культурного обитания» его носителей [Фесенко 2004]. «Способы категоризации мира, а также то, какие моменты действительности служат семантическими ключами в конкретных лексических и грамматических формах, обусловлены общей культурной ориентацией общества/социума», – пишет С.Л. Фесенко [Фесенко 2004: 51].

Несомненно, сам механизм выражения и восприятия иронии представителями разных культур имеет сходства. Однако также как одно и то же блюдо по-разному готовится у разных народов (с добавлением отличных специй, или различающимся способом, порядком приготовления и т.д.), ирония в каждой национальной культуре, по нашему мнению, явление специфическое. Так, вместе с юмором и сатирой, как видами смеха, ирония, также как и иносказательность, является неотъемлемой частью традиционной народной культуры адыгов, свидетельством чему являются созданные веками пословицы, поговорки: про иро-

нию и шутку – *гушыIэр тхэм и щIасэц* букв. «шутка (юмор) – любимица бога», *ауаныр сьт шыгъуи гушыIэм и щIыбым кьыдэтиц* букв. «ирония (насмешка) всегда за шуткой стоит», *гушыIэкIэ зымыщIэр IэштIымкIэ мауэ* букв. «кто не умеет шутить, тот бьет кулаком» и т.д.; иронические высказывания – *гуащэ мыхъу жьантIакIуэц* «плохая хозяйка старается занять почетное место», *жылэм емыщхьым бабыщыщхьэ кьыфIокIэ* «у непохожего на других утиная голова отрастает», *напэниэм уеубжьытхмэ, уэсэпс кьыфIоуцI* «если плюнешь на бессовестного, ему росой это кажется», *кхъуэл сыхыници жылэр физгъэунэхъуниц* «я съем свинину и вас, сельчан, погублю» и т.д.; а также шуточные, ироничные пожелания, как правило, адресованные детям, молодежи [Нало 2008: 165-166, 176-177]. Здесь уместно привести слова известного кабардинского поэта, писателя, драматурга и публициста Б. Утижева: «*ГушыIэр – щIыхугум и гъуэгу гъуэмылапхъэц. Ауаныр – ар гъащIэм и пщIантIэ жыхапхъэц. ГушыIэм кьыредз ди гъуэгуанэм пкIэльей. Ауаным епхъэнкI, егъэкъабзэ дунейр*» [ПутIыж 2003: 6], которые можно перевести как «Шутка (юмор) – пища путника. Ирония (насмешка) – дворовый веник жизни. Шутка сбрасывает на нашу дорогу лестницу (т.е. облегчает путь). Ирония подметает, делает мир чище» [здесь и далее переводы с кабардино-черкесского языка авторов статьи – М.Х. Токмаковой, Б.Ч. Бижоева].

Сатирические и юмористические жанры в произведениях адыгских литератур занимают значительное место [БакIуу 2013], при этом большинство этих произведений демонстрирует в большей или меньшей степени прочную связь с фольклорной традицией [Чуякова 2008; Паштова 2007]. Представителями и носителями смеховой культуры адыгов испокон веков были *джегуако* «у адыгских народов: скоморох, общее название артистов и певцов-импровизаторов» [СКЧЯ 1999: 134], *ажагафы* «шут, скоморох, ряженный» [СКЧЯ 1999: 23] и т.д. [Налоев 2011], сферой, или объектом их народной смеховой поэзии являлся весь мир: «социальные и бытовые отношения, политика, моральные и физические недостатки и даже достоинства человека и т.д.» [Налоев 2011: 326]. Никто не мог обижаться, злиться на них – их юмор, ирония были частью обрядовых игр. Более того, в рамках обрядовых празднеств адыги практиковали смеховые состязания, где молодые люди состязались своим острословием между собой или даже с *джегуако*. Как отмечает З.М. Налоев, *джегуако* являлись порождением «народной культуры и составляли ту благодатную почву, на которой возрастали нетрадиционная литература, музыка, театр и цирк» [Налоев 2011: 15].

В эмотивной лексике ирония выполняет двоякую функцию: с одной стороны, обозначая эмоциональное отношение (например, презрение, осуждение, недовольство, сочувствие и т.д.) и эмоциональное воздействие, с другой стороны, представляя реакцию на сказанное – эмоциональное состояние, становление эмоционального состояния, внешнее выражение эмоций (здесь может быть не только смех, или, к примеру, бранная лексика, но и изменение цвета лица, поджатие губ и т.д.) [Токмакова 2017: 22-37]. Как правило, ирония, произнесенная прилюдно, вызывает смех у окружающих, но часто совсем противоположные чувства у того, на кого она направлена. При этом адресат вынужден скрывать свое недовольство, чтобы не стать посмешищем еще больше, как че-

ловек, непонимающий шуток (*гушылэкIэ зымыцIэр IэштIымкIэ мауэ* букв. «кто не умеет шутить, тот бьет кулаком» – народная пословица). Приведем пример иронии и как реакцию на нее – стыд и злость: (*БлутI:*) *Си Iуэхур зыIутыр Гъумар къыгурыIуауэ къыцIокIри, мэдыхъэшх: – Ау-уей, жи, – МуIэед, ягъэ кIакъым: БлутIэ шы къыхуэмыцIыхужу арац, ахъумэ фи шитIыр къидыгъуакъым... Си Iупэхэр санэмылъэцу гъырIупэ сфIохъу, си нэпсхэр къысфIыцIожри пцIантIэри пцIантIэм дэтри цIелъафэ... Нобэр къыздэсым цIыхум ящызгъэцIкIуа си хъуэныр къацIац... сызэрымыхъэнэншэр, лIы хъэлу зыри зэрысхэмылгыр къыцIэца мыгъуэц. Асыхъэтым, сэ слъэкIамэ, Гъумар псэуэ цIэзгъэлъэдэнут! Мы зи жьэ уцIауэ дыхъэшх цIыкIу къомыр кIуэцIрызгъэхунут! А дакъыкъэм дуней псор си бийуэ къысфIэцIырт... [Нало 1981: 226] «Блут: Гумар понял причину моего поведения и смеется: – Да нет же, – говорит, – Муаед, ничего плохого не случилось: Блут просто не узнал лошадей, а так он не крал ваших лошадей... Мои губы неконтролируемо искривляются для плача, мои слезы наворачиваются, заволакивая двор и всех, кто был во дворе... До сих пор недостаток, который мне удавалось скрывать, открылся... то, что я никчемный, что во мне нет никакого мужского характера обнаружилось. В тот час, если бы мне было подвластно, Гумара живьем загнал бы под землю! Всех смеющихся детей провалил бы сквозь землю! В ту минуту весь мир мне казался враждебным...».*

Какие эмоции вызовет ирония зависит не только от содержания сказанного но и, во-первых, от того в каких взаимоотношениях состоят адресат и адресант (насколько допустимо подобное в их общении), во-вторых, насколько адресат готов к восприятию шуток – близко принять иронию в виде критики и испытать отрицательные эмоции, либо, обладая достаточной степенью самоиронии, испытать положительные эмоции, например, смех. Приведем пример: – *Мы мыхъэнэншэр, – жи Хъэмуд Хъэрун цхъэкIэ – сэрац къэзыгъэувар, игъацIэкIэ дохутыри нэгъуэцIи хъунутэкъым, сэрмырамэ. – ЖиIэнц иджы, уэлэхы, сыхъунуи сыхуэмейт, сьт мы дызыхэт къомыр? Сыбгъэуна уи гугъэж! - Уэлэхы, уунамэ, узыгъэунари сэрамэ, а Iийм жиIэм еплъ. Убыд уи жьэр, джаур!.. ЗэдогушыIэ. Зым жиIэр адрейм и жагъуэ ицIыркъым, зэныбжъэгъуц. Хъэрун фIыуэ ецIэ Хъэмуд и фIагъ къызэрекIар. ЗдыжиIэм, зыхыбоцIэ пцIэ зэрыхушцIыр, гъуэгу къэзытар зэрыарар зэрыцIымыгъуццэр [Хъэх 2008: 172]. «– Этого никчемного, – говорит Хамуд про Харуна, – я сюда устроил, никогда доктором или кем-нибудь еще он не стал бы, если бы не я. – Скажет теперь, ей-богу, я и стать не хотел, с чем мы только не возимся? Думаешь, осчастливил меня! – Ей-богу, ты счастлив, и это благодаря мне, смотри, что этот дурной говорит. Закрой свой рот, негодник!... Шутят, один другого не обижает, они друзья. Харун прекрасно знает о благотворном влиянии на его судьбу Хамуда. По разговору видно, как Харун уважает того, кто дал ему дорогу, что он не забывает об этом».*

Следует отметить, что смех тоже не однозначно маркированное выражение эмоций. В случаях с иронией смех может быть ложным, притворным, деланным, чтобы скрыть вызванные сказанным отрицательные эмоции.

Исследующие иронию лингвисты выделяют различные ее типы, классифицируя по лексическим, синтаксическим, стилистическим признакам (С.И. По-

ходня [Походня 1989], Е.А. Иванцова [Иванцова 2016], Г.В. Барышникова, И.И. Дубинина [Барышникова, Дубинина 2016], Ю.Н. Эбзеева, Г.Н. Ленько [Эбзеева, Ленько 2016] и др.). О.П. Ермакова отмечает, что ни одна классификация иронии не может охватить весь языковой материал [Ермакова 2011], в связи с чем делит иронию «по признаку занимаемого словесного пространства: на вербализованную – иначе – локализованную в слове – и текстовую – не ограниченную словом или словосочетанием» [Ермакова 2011: 9].

Как правило, слова и словосочетания, используемые для иронии, предстают в необычных для них смыслах, приобретают дополнительные оттенки, выражающие эмоциональные состояния адресантов. Так, в рассказе С. Хахова «Сызэрыщытауэ сыкъэнэжынуц» («Каким я был, таким и останусь») к работающему герою приходит ничем незанятый пенсионер, бывший милиционер, любитель поболтать: *Езым (мылицэм) еуэ щлэкьутыкI, еуэ щлэкьутыкI. Дауи хагъэта мыбы фIэкIа номыр зимыIэр мылицэм... абы къыкIуэцIыкIыр, абы псалъэу къыкIуэцIыкI жыхуэпIэр! Пенсым зэрытIысыжрэ кIуауэ жыхуиIэ илъэситIрэ ныкъуэм кIуэцIуубыда псор иджыпIсту къыкIуэцIымыкIыжмэ, сиIэртэкъым. А къомым уедэIуэфрэт?* [Хьэх 2008: 40] «Сам он (милиционер) давай **наваливает**, давай **наваливает** (букв. «подламывает» [СКЧЯ 1999: 477]. Как только его, такое ничтожество, взяли в милицию... сколько из него **пёрло**, сколько слов **пёрло** (букв. «оказаться, обнаружиться в ком-чем-л.» [СКЧЯ 1999: 435])! За прошедшие после выхода на пенсию, по его словам, два с половиной года, все, что он **накопил в себе** (букв. «поймать, схватить кого-л. внутри чего-л. свернутого» [СКЧЯ 1999: 354] как будто сейчас все **выперет** (букв. «оказаться, обнаружиться в ком-чем-л.» [СКЧЯ 1999: 435]). Разве возможно было все это слушать?». В результате, в высшей степени раздраженный надоедливый пустословом, герой (это видно по словам, которые он выбирает, описывая ситуацию) получает непроходящую головную боль, последствием которой стали неприятности на работе и дома. Используемые автором слова, как мы можем видеть, как нельзя лучше отражают становление эмоционального состояния героя.

Ирония может содержаться в уточнениях, дополнительных замечаниях в виде скобок, а также в кавычках и других графических обозначениях: *ГъуцIыр, пхъэр, хъыданыр, ятIэр (ари яцIэрт, хуцIхъуэу жаIэу), абджыр, къэкIыгъэр, лыр, цыр, пшахъуэр, псыр... мывэр! ЗицIысми къызыхэцIыкIами – зыми зыкIи емылъытауэ зэхэтиц, зэхэлъц яцIэр, лъэувынIэ илэкъым.* [Хьэх 2008: 149]. «Железо, дрова, тряпки, **грязь (и её продают, говоря, что это лекарство)**, стекло, растения, мясо, шерсть, песок, вода... камни! Что собой представляет и из чего сделано – независимо ни от чего все, что продают, располагается друг с другом, все лежит вперемешку, негде шагу ступить». *Щхъэгъусэр къилъыну хъэзыриц, ауэ дадэрэ нанэрэ цоукIытэри и Iунэм къэса псалъэ «гъэцIэрэцIахэр» ирекъухыж* [ШэдджыхъэцIэ 1980: 189]. «Супруга была готова вспылить, но, постеснявшись дедушки с бабушкой, проглотила готовые сорваться с языка «**цветистые**» слова».

Примеры из публицистических статей: *АтIэми мы «ди зэманым и лIыхъунь» гуэрхэр нэсауэ си гугъэц къыкIуэти укIыти хэмылгу апхуэдэ псалъэ гурууэхэр* («ТхъэмышкIэфI щыIэкъым», «ТхъэмышкIэр льягъугъуейщ»)

тхъэмыцкIэ ящIахэм щыхужаIэфыну щытыкIэм [ПутIыж 2007: 343]. «К тому же некоторые из этих «героев нашего времени», мне думается, дошли до того состояния, что, не зная ни стыда ни совести, такие жестокие слова («нет хороших бедных», «бедные неприглядны») могут сказать о тех, кого они превратили в бедняков». *ПрозэмкIэ зыкъэбгъазэм, нэм заныцIэу къыщIоуэ цIэрыIуэ хъуным хуэнэхъуейуэ мазэ-мазитIым къриубыдэу тхыль пIацэ къыщIезыгъэдз «романистхэр»* [Гъут 2021: 40]. «Если обратишься к прозе, сразу бросаются в глаза жаждующие стать известными «романисты», которые в течение одного-двух месяцев варганят толстую книгу».

Для передачи иронии может использоваться удлинение согласных, когда персонаж или автор намеренно растягивает звуки. Например: *Щауэжъыр – тхъэмыщIцкIэ!* – *къыпэщыль псор имыщIэрэ мыпхуэдэу ефэ-еихэ зэпыту екIуэкIын и гугъэжу, щауэфэм гъэкъауэ яхэст.* [ПутIыж 2003: 51]. «Женишокто – **бедолаггга!** – не знает, что его ждет, думает, что этот пир будет продолжаться вечно, сидит важный среди друзей». Растягивание переднеязычного свистяще-шипящего *щ* в слове *тхъэмыцкIэ* «бедолага» выражает крайнее презрение иронизирующего.

В кабардино-черкесском языке часто для придания речи иронии используются заимствованные слова из русского языка. Например: «*Лъагъуныгъэр хэт дежкIи кълэнышхуэу щытщ, ауэ и пIалъэр къэмысу абыкIэ планыр щагъэзащIэр зэзэмызэххэщ. А планыр гъэзэщIэным псэемыблэжу хэтахэм отчет щатыж хабзэри бжъыхъэрщ* [ПутIыж 2003: 18]. «Любовь для всех является большим заданием, только редко кто **выполняет** такой **план** раньше срока. Те, кто самоотверженно занимался **выполнением плана**, **отчет** обычно **сдают** осенью». Здесь комичность достигается применением в разговорной речи, в частности в лирической теме, словосочетаний, характерных для официально-делового стиля.

Другой пример: *Радикулитыр пIастхъэрт, зэрытынIэхэр кIыргът, Гастритри, Панкреатитри, Холециститри, нэгъуэщI «...тит» зыбжани кIуэцIыкIыщIэм щызэхуэсауэ зэIуцIэххуэ щрагъэкIуэкIт, Мухъэжид и дуней тетыкIэ зэхуэмыхъум теухуауэ. Псоми жаIэр зыт: «Мухъэжид, ефэн щумыгъэтынумэ!..»* [ПутIыж 2003: 49]. «Радикулит царапался, суставы скрипели, и гастрит, и панкреатит, и холецистит, и некоторые другие «...циты», собравшись во внутренностях, проводили большое собрание, посвященное неверному образу жизни Мухажиды. Все они говорили одно: «Мухажид, если ты не перестанешь пить!..». Как мы можем видеть, автор, иронизируя над состоянием героя, использует также прием олицетворения.

В тех случаях, когда ирония заключена в одном слове, может развиваться внутрисловная антонимия, другими словами, энантиосемия [Ермакова 2011: 173; Токмакова 2008]. Например, слово с положительной оценочной семантикой в иронических высказываниях может использоваться с отрицательным значением. Так в рассказе Х. Шекихачева «*Минрэ щибгъурэ...*» («В тысяча девятьсот...») студент, сдающий экзамен по истории, не отвечает по существу, а несет околесицу, на что преподаватель ему говорит: *... а унцIэм теухуауэ жьыпIар ирикъуни. Адрей унцIэми апхуэдэу дэгъуэу зэхуэбгъэхъэзыра?* [ШэджихъэщIэ

1980: 207]. «... по этому вопросу хватит, что ты сказал. На следующий вопрос ты также **великолепно** подготовился?». Здесь следует упомянуть о многозначном суффиксе –*жь*, который может нейтральным словам придавать положительный или отрицательный оттенок, а также поддерживать, усугублять уже имеющуюся в слове эмотивную семантику, либо противоречить ей [Токмакова 2017: 45-49].

Особое место в средствах выражения иронии в кабардино-черкесском языке занимает гиперболическое сравнение. Его часто используют не только с целью показать сходство, но и для передачи испытываемой эмоции, например презрения: ... *Чэрим къишар сытым ещхь! ... тыкуэным пIамыхыж кIэпIейкIитI унIэщIа фIэкIа умыщIэн ар (хьыджэбзыр), зэкIуэцIыгьуэжауэ... Мыр!.. Модэ. Модэ мыгьуэ!.. Сытым ещхь а зышэри! Дагъэ мащIэкIэ ягъэжьа лэкъум хуэдэ, фагъуэжь цIыкIу гуэрцI* [ПутIыж 2003: 37]. «... На кого похожа невеста Черима! ... она как настолько истончившиеся две копейки, что в магазине не примут, иссохшая... А этот! Вон! Смотри, боже мой!.. Сам на кого похож! **Как лакум, пожаренный на малом количестве масла, бледненький какой-то**».

Одной из средств выражения иронии является зевгма - «стилистическая фигура, состоящая в соединении двух слов (или двух предложений), которые по содержанию не подходят друг к другу; употребляется для создания комического эффекта» [см. Липустина 2023: 246]. Например: *Ди дохутырыр ди дохутырыжтэкъым. ЗэрахъуэкIауэ срихъэлIат сыщыкIуам. НэгъуэщIт иджы дянэкIэ си узхэм я унафэщIу цытынур.* [Хьэх 2008: 42]. «Наш доктор уже не был нашим. Его поменяли до моего прихода. Теперь другой будет **начальником моих болезней**».

Другой пример: «*А пцыхъэщхъэм Джырандыкъуи и ныбжьэгъу лIыжьхэр и гъусэу куэбжьэпэм щызэхэтт, хэт баиш цупсу, хэти пцIы цупсу...*» [Нало 1981: 112]. «В тот вечер и Джырандоко и его друзья-старики сидели перед воротами, кто **палку строгал**, кто **рассказывал небылицы...**». Здесь ирония передается с помощью того, что автор совмещает прямое значение слова *упсын* «строгать» и фразеологическое с его участием - *пцIы упсын* «лгать, врать». Ирония строится автором на основе семантической неоднородности.

Синтаксическая конвергенция как средство создания иронического эффекта было введено И.В. Арнольдом: «Синтаксической конвергенцией называется группа из нескольких совпадающих по функции элементов, объединённых одинаковым синтаксическим отношением к подчиняющему их слову или предложению» [Арнольд 1981: 192]. По наблюдениям О.М. Липустиной, «синтаксическая конвергенция очень часто основана на использовании эффекта обманутого ожидания» [Липустина 2023: 247], например, когда вместо ожидаемого осуждения мы получаем восхищение: *Пцэдджыжьым зы дакъикъэ сыкъыкIэрыхуу мыхъуу, сыхъэтибгъу дьдэм сыкъокIуэри, хы хъуху солажьэ. Уэ (начальникыр) аракъым. Уэ зэи лэжьыгъэм тебгъэкIуадэркъым апхуэдиз зэман. Пцэдджыжьыпэ-пцыхъэщхъэпэхэм укъыкъуокI, сыхъэтитI-щы уолажьэри, абыкIи псори зэфIокI. Ар уи акъыл нэхумрэ зэфIэкIышхуэ, егъэлеуэ акъылышхуэ убгъэдэлъырэ я фIыщIэщ.* [Хьэх 2008: 118]. «Утром, не смея опоздать ни на

одну минуту, ровно в девять прихожу и работаю до шести. Ты же нет. Ты никогда столько времени на работу не тратишь. В начале утра-вечера появляешься, два-три часа работаешь и этим все заканчивается. **Это все благодаря большим возможностям твоего светлого ума, твоего исключительно большого ума».**

Парадокс, создаваемый противоречащими по семантике словами, также может применяться для иронизирования, к примеру: *Тхыль кыызатахэм зэри-тымкIэ, зыкIэ фIыт мы узыщIэ кысыхуеблэгъар – лIэклIэ тынши уиIэнкIэ хъунут. КIокъумокъу куэд хэмыту, занщIэу пхуIуудынут уи псэ тIэкIур.* [Хьэх 2008: 42] «Согласно данным мне книгам, пожаловавшая ко мне болезнь хороша тем, что я могу, не мучаясь, умереть. Без особого шума мигом отлетит моя душа». *Хъаний апхуэдизкIэ Iэзэу бгэрти ар гыбзэм нэхърэ хъуэхъум нэхъ ещхът...* [Нало 1981: 196]. «Ханий до того искусно проклинала, что ее проклятия больше были похожи на здравицу...».

Часто авторы, иронизируя над своими героями, над ситуациями, в которые они попадают, используют абсурдные, утрированные высказывания. Так, в новелле З. Налоева «ГъукIэжытIым я хъыбар» («История двух старых кузнецов») милиционер, пришедший арестовать Алия и Хажи, не смея отказать уважаемым старикам, садится с ними за накрытый стол и, опьянев, переполняемый «чувствами», произносит тост: *Илгэс мини сыпсэуну сыхуейкыым фэ физимыгъусэу! Фэ физикъуэщ, сэ сывикъуэщ! Бын сиIэмэ, фи бынщ, бын фиIэмэ си бынщ! Фи физхэр си физщ, си физыр фи физщ! Фи унэр си унэщ, си унэр фи унэщ! Фи цIэкIэ софэ!* [Нало 1981: 132] «Я не хочу и тысячу лет жить без вас! Вы мои братья – я ваш брат! Мои дети – ваши дети! Ваши дети – мои дети! Ваши жены – мои жены, моя жена – ваша жена! Ваш дом – мой дом, мой дом – ваш дом! Пью за вас!».

Зачастую для выражения иронии используется повтор. Например, «Абы цIэмьльыр укIуэдэжт: **мыстри, мыстри, Мыст** цыгъым цыщы, а **Мыст** имыгъуэтым хуэди, а **Мыст** зытраукIэ нэтам ещхыркъабзи гъунэжт» [ИутIыж 2003: 13]. «Чего там только не было: и это самое, и это самое, и что Этот самый носит, и что Этот самый не может найти, и точно такого же, из-за чего чуть было не убили Этого самого, было вдоволь». Здесь Б. Утижев, иронизируя над происходящим, использует действительно многофункциональное и часто используемое в кабардинской речи слово *мыст* «это самое», обозначающее одновременно и нарицательные имена (различные вещи) и собственные имена.

Как пишет С.И. Походня, «вся умственная деятельность человека непременно сопровождается эмоциями» [Походня 1989: 8]. И ирония не является исключением, многие лингвисты называют ее «интеллектуальной» эмоцией [Богословский и др. 1981; Походня 1989: 4; Желватых 2006: 9], а некоторые – одним из видов языковой манипуляции [Ермакова 2011: 5]. В подобных случаях адресант, преследуя какие-то свои цели, использует иронию. Приведем пример: – *Уэлэхы, си къуэщ, – жери кьрегъажэ (Далым), – уэлэхы, гува-цIэхами Хьэмзэт и мэз бжэныр дымышхыу... (БлутI:) – Уэлей, фIэклIам а зи гугъу пщIыр, Далым! – жызоIэри Iэпызоуд. – Нейэман Хьэмзэт и мэз бжэныр зэрытххрэ! – ПцIы соусп, ауэ, хьэлэмэтыракъэ, плыжь сыхъужыркыым, атIэ ауан хэлъу лыжьыым и нэ гъуабжитIым сыщIоплгэ. Далым занщIэу и нэщхыр*

къызэхуэри Іэнкун хъуауэ ІуокІыж. [Нало 1981: 81]. «– Ей-богу, мой брат, – начинает Далим, – ей-богу, рано или поздно косулю Хамзата не съев... (Блут:) – Право, прошло уже, о чем ты говоришь, Далим! – говорю, перебивая. – Уже сколько прошло, как мы съели косулю Хамзата! – обманываю я, и вот что интересно, совсем не краснею, а с иронией смотрю в серые глаза старика. Далим сразу мрачнеет и огорченный отходит». В данном примере, Далим вместе с Хамзатом так надоели Блуту с разговорами об обещанной ему косуле, что он, пытаясь пресечь дальнейшие разговоры по поводу этого, используя ложь, с иронией говорит, что косуля уже съедена. На что Далим, поверив Блуту, обидившись (на то, что это сделали без него), наконец-то уходит.

Приведенный пример демонстрирует частое соседство иронии с ложью, которых объединяет, по словам О.П. Ермаковой, неистинность [Ермакова 2011: 14]. Иронизируя над собеседником, адресант может прибегать к заведомой лжи, облакаемой в шутку, чтобы достичь определенного результата, а в некоторых случаях, чтобы показать свое превосходство, продемонстрировать глупость адресата и т.д.

Другой пример – встретив односельчанку, автор, иронизируя над готовностью адресата к сплетням, над ее глупостью, и глупостью тех, кто действительно способен на подобное безрассудство (например, вставить золотые зубы своей собачке и т.д.), откровенно лжет, придумывая историю о местонахождении пропавшей собачки известного обоим владельца: – *Хъэщыр унэ лъэгум и щлагъым къыщІэтщ*. – *Ар дауэ, на-а-а!.. – ІгъащІэкІэ гу лъумытэну мо паркет унэ лъэгум бжэ щэху цІыкІу къэпІэт хъууэ хэлъщ*. *А бжэ щэху цІыкІум току къокІуалІэ, абы къекІуалІэ токур къызыбгъэдэкІ кІнопкІэр нэхъ щэхужу гъэщкІуащи, ар къыпхуэгъуэтрэ тепкъузэмэ, бжэ щэхум зыкъеІэтри, и дыщэдзэхэр къыпхулуигъэпсу, Шурикыу сыкъэпльагъур и гъуэм къокІ*. [ПутІыж 2003: 47]. «– Собачья конура находится под полом комнаты. – Это как, боже!.. – В том паркетном полу есть тайно открывающаяся дверца, которую вовеки не заметишь. К этой потайной дверце ток подведен, а кнопка, от которой подведенный ток идет, еще больше захоронена, если ее найдешь и нажмешь, потайная дверь поднимается и, сверкая золотыми зубами, Шурик собственной персоне вылезает из норы».

Следует отметить, что использование иронии в целях манипуляции получает крайне негативное ее восприятие у адресата в случаях ее обнаружения. Так, у гордых кабардинцев считается оскорбительным, когда его дурачат, водят за нос, обманом пытаются использовать. Существует даже пословица *делафэ епльын* «принимать кого-л. за дурака, за глупого», применяемая и в подобных случаях тоже, отражающая состояние, в котором ощущает себя адресат при манипуляции.

В современной лингвистике иронию квалифицируют как одну из форм импликации (З.А. Заврумов [Заврумов 2016], Ю.А. Карпова [Карпова 2011]), так как она «обнаруживает асимметрию содержания и формы, когда план выражения не вполне отражает план содержания» [Заврумов 2016: 52]. При этом ирония может быть явной или скрытой. В первом случае адресат и окружающие понимают, о чем идет речь, что именно высмеивается, порицается, во втором –

только адресант понимает, что это ирония, и испытывает при этом также чувство интеллектуального превосходства (сюда можно отнести приведенные выше примеры манипуляции). К скрытой иронии возможно отнести и случаи, когда адресант и адресат понимают иронию, но она остается недоступной для окружающих. «Чем яснее и откровеннее намек, пишет В.М. Пивоев, – тем ирония грубее, и наоборот, чем туманнее и сложнее намек, тем ирония тоньше» [Пивоев 1982: 58].

Пример скрытой иронии: (БлутI:) – Умыгузавэ, Мусэ, уэлэхьы, абы и адэм и уасэу пхуэзмьцIмэ! – жызоIэ. Мусэ ауанышхуэ сыкьищIу и дзэлыфэр етIри: – Уэлэхьы, абы хуэдэ дьд зыщIыфын иджы Къэбэрдейм имысыж! – жи, «мы щIалэжь цIыкIур зэрыщхьэщытхьу» – къызжылэ нэхьей. [Нало 1981: 36]. «Блут: – Не беспокойся, Муса, ей-богу, сделаю его (шило) еще лучше! – говорю. Муса с улыбкой, иронизируя надо мной: – Ей-богу, в Кабарде никого не осталось, кто может такое шило сделать! – говорит, «какой же этот мальчишка хвастун» – как будто говорит мне». Здесь адресат за сказанными словами понимает иронию, направленную на него.

Примером явной иронии может быть отрывок из рассказа Х. Дударова «ХьэтIылэ» («Хатыля»), в котором к не единожды женатому герою некогда бывшие друзья обращаются с иронией и упреками: – Уа, ХьэтIылэ, дащIэщ иджы унэидзыхьэ дыщыбгьэкIуэнур? – Уа, ХьэтIылэ, дащIэщ иджы къащIэу дыщызэхэбгьэплэжынур? – Шотыр дэнэ нэбгьэса, ХьэтIылэ? Хьа-хьа-хьахь! [Дудар 1992: 157]. «– Эй, Хатыля, когда теперь невесту поедем умыкать? – Эй, Хатыля, когда теперь, женившись, нас соберешь на застолье? – Какой теперь счет, Хатыля? Ха-ха-ха!».

При явной иронии адресант, обращаясь к адресату, может использовать как эмотивы, так и другие слова, дающие оценочную характеристику часто негативного характера. К примеру, в новелле З. Налоева «Хьэжым цIыхуэ къызэрыIах Iэмал» («Как взять займы у хаджи»), когда главный герой рассказывает знакомому о том, как просил займы у хаджи и получил отказ, тот (знакомый) ему говорит: – А делэ, хьэжым апхуэдэу-тIэ цIыхуэ къызэрыIахыр? – Ауан сыкьещI [Нало 1981: 55]. «Вот дурак, разве так у хаджи займы просят? – надсмешается он».

Ирония может быть смешена с любовью, такое потрунивание, когда она обращена к детям, близким, любимым людям. Например, Муртаз адыгэбзэкIэ жиIэжыфынут... Ауэ урысыбзэкIэ... Муртаз и нэхэр игьэупIэрапIэри, гумащIэ къэхьуауэ, къэгьащ. – Уэт, цихуэжь, къэбгьэуатаи ущIэгьын! – ину дыхьэшихащ Туш. – СIо-тIэ джаурьбзэ дьмыщIэмэ! [МафIэдз 2014: 55]. «Муртаз на кабардинском языке мог бы рассказать... Но по-русски... Муртаз заморгал, расчувствовавшись, заплакал. – Вот, слабак, нашел из-за чего плакать! – громко рассмеялся Туш. – Что из того, что ты язык гяуров не знаешь!».

В другом примере, когда молодой поэт пришел к именитому редактору и сказал, что хочет показать свои стихи о любви, тот рассмеялся: – Сьт, тIыкIуэ, уэ лъагьуныгьэм хэщIыкIыр?.. ПыIэжьынэ цIыкIу ухьужауэ. Сэ си бзэ бзэрэбзэну хьуапсэр абдежым «дымпI» жиIэу щIубыдащ. [Хьэх 2008: 35]. «– Что ты, милый мой, знаешь о любви?.. Экий мальчик-с-пальчик. Вот здесь

мой слог, готовый переливаться, моментально оборвался». Здесь используется слово *тЫкЛуэ* «милок, детка» – доброжелательное обращение старших к детям и фразеологизм *пылэжьынэ ухъужауэ* (букв. «с нахлобученной шапкой») – шутливо-ироническая реплика, обычно обращенная к приятелю, взрослых к мальчикам [СКЧЯ 1999: 595].

Говоря об иронии, нельзя обойти стороной самоиронию, которая по словам И. Паси, представляет собой «высшее проявление духовной независимости, при которой субъект поднимается не только над объектами, но и над самим собой, рассматривая себя как объект собственной иронической субъективности» [Паси 1980: 83]. Как пишет О.П. Ермакова, за самоиронией может скрываться ирония, направленная на собеседника, но чаще всего она «является средством самозащиты от возможной и предполагаемой (хотя не всегда с достаточным основанием) нелестной оценки со стороны партнеров коммуникации» [Ермакова 2011: 268]. Также самоирония, по мнению А.Б. Дземидока, может защищать от самого себя, от «уныния, пессимизма, депрессии» [Дземидок 1974: 164]. Приведем пример: *Е, сщлэркьым, – япэщЫкЛэ нэр берычэтылуэу ящлу, абы кьыдэхуа мащлэмклэ итланэ сэ ськЛэращлЫхьыжа?* [ПутЫж 2003: 21]. «Ой, не знаю, – сначала мой нос в изобилии сделав, потом, из того малого, что от него осталось, меня самого к нему приделали?». Здесь герой иронизирует над своим большим носом. В следующем примере холостяк, иронизируя над своим немолодым возрастом, говорит: *Аращ, ахъумэ, уэлэхьы, сэ кьыщлэсиэн цхьэусыгъуэишхуи щымылэж, нобэ кьэсшауэ сощлри, кьэсшар иритезгъэуну си радикулитым нэхьыфл симылэ* [ПутЫж 2003: 8]. «Поэтому, иначе, ей-богу, не осталось большой причины, чтобы я женился, даже если я сегодня женюсь, лучшим, чем мой радикулит, нечем мне невесту развлечь».

По наблюдениям О.П. Ермаковой, с самоиронией можно спутать прием самоуничижения, когда ирония направлена не на себя, а на кого-то для выражения, как правило, негативных эмоций: возмущения, раздражения и т.д. [Ермакова 2011: 263]. К примеру, героя рассказа Х. Шекихачева, мечтающего отдохнуть в выходные, жена, готовясь к приходу гостей, с утра пораньше заставляет бегать по магазинам, не обращая при этом за помощью к детям: *Ущлож, Ущлэмыжи епл!.. Ужэ кьудей! Кьыпфлэлуэху щылэжкьым, ущлольдэри щлакхьутл кьыбонхьуатэ, ахьшэ ептыну уигу кьыщыкЛыжыр тыкуэнтетым уи блыпкьыр илЫгъуу уигъэгъээжа нэужьщ* [Шэджыхьэщлэ 1980: 201]. «Выбегаешь, попробуй не выбежать!.. Разве бежишь только! Ни до чего другого нет тебе дела, забегаешь и хватаешь два хлеба, что надо деньги заплатить вспомнишь лишь тогда, когда продавец, схватив за плечо, возвращает тебя».

На самоиронию также может быть похожа ирония автора, которая заставляет героя говорить о себе вполне серьезно то, что является на самом деле смешным, нелепым и т.д. Например, в рассказе Х. Шекихачева «Письмо» неоднократно разведенный Тута жалуется на одну из своих бывших жен: *«Уэ улажьэркьым, ущлантлэркьым, сэ кьээлэжьым уофэри ущысщ», – кьызжилаш. А зиунагъуэрэ, унагъуэм щыщ зыгуэр лэжьэн хуейкьэ? Умылажьэу хэт уигъэишхэн? Ар кьысхугурыгъэлуакьым а цхьэкЛуртлэм* [Шэджыхьэщлэ 1980: 178]. «Ты не работаешь, не потеешь, то, что я зарабатываю, пропиваешь», – сказала она мне. – Посуди

сама, кто-то из семьи должен же работать? Если не будешь работать, кто тебя будет кормить? Это не смог объяснить этой безмозглой».

Проведенное исследование показало, что ирония тесно связана с эмоциями, так как выражает эмоциональное состояние как адресанта, так и адресата. Спектр испытываемых обеими сторонами чувств при этом весьма разнообразен – они могут быть как отрицательными, так и положительными (например, злость, стыд, обида, любовь, веселье, самолюбование и т.д.). Проявление и восприятие иронии отражает особенности национальной культуры. Так, юмор, ирония являются важной, неотъемлемой частью адыгской языковой культуры, уходящие своими истоками в фольклорные традиции.

Ирония является одним из средств обогащения лексической семантики (преобразования, расширения значений) кабардино-черкесского языка. Способы выражения иронии различны – от слова, словосочетания до фрагментов текста. Чаще всего для этого используются слова с изначально нейтральной семантикой, которые в результате необычного семантического употребления выражают эмоциональное состояние адресанта. Сюда относятся также внутрисловная антонимия, заимствованные из русского языка слова, нередко отличающиеся стилистически от основного текста и т.д. Когда речь идет об эмоциональных ситуациях, на помощь приходят специальные средства – различные стилистические приемы, фигуры, помогающие выразить говорящему (адресанту) свои эмоции. Все это позволяет считать иронию одним из способов выражения эмоций (даже когда речь идет об ее скрытой форме) как у адресанта в виде стимула (за иронией обязательно стоит какое-то эмоциональное состояние), так и у адресата в виде реакции на иронию (часто в виде описания испытываемых эмоций).

Иронию можно рассматривать как один из видов манипуляции. В таких случаях она может соседствовать с ложью. Самоирония является «вершиной» выражения иронии, доступной, по мнению ряда ученых (О.П. Ермакова [Ермакова 2011] и др.) более интеллектуальным людям. Ее не следует путать с самоуничтожением (которое остается иронией, направленной на кого-либо) и иронией автора, герой которой не осознает своего смешного положения.

Если говорить об использовании самих эмотивов в иронических высказываниях и реакциях на них, то они могут присутствовать в тексте, но наличие их не является обязательным. Основным средством выражения иронии является эмотивный текст, содержащий вышерассмотренные стилистические приемы. Именно эмотивный текст передает тот объем значений, (гораздо больший, чем это можно выразить в прямых и переносных значениях лексических единиц), который необходим для понимания эмоционального состояния адресанта и адресата.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Арнольд 1981 – *Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка. – Ленинград: Просвещение, 1981. – 295 с.

Арнольд 2002 – *Арнольд И.В.* Стилистика. Современный английский язык. – Москва: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.

Баклуу 2013 – *Баклуу Хь.И.* Адыгэ литературэ: гушыЭмрэ ауанымрэ. – Налшык: КБИ-ГИ, 2013. – 183 н. (на каб.-черк. яз.).

Барышникова, Дубинина 2016 – *Барышникова Г.В., Дубинина И.И.* Лексические средства декодирования имплицитно выраженных эмоций // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12 (66): в 4-х ч. – Ч. 4. – С. 76-79.

Бгажноков 2010 – *Бгажноков Б.Х.* Антропология морали. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. – 128 с.

Богословский и др. 1981 – *Богословский В.В., Ковалёв А.Г., Стенанов А.А.* Общая психология. – Москва: Просвещение, 1981. – 383 с.

Гъут 2021 – *Гъут I.* СеукЫр сэ жыы зэпеуэм // Гуащхэмахуэ. – 2021. – № 4. – С. 40-45. (на каб.-черк. яз.).

Додонов 1978 – *Додонов Б.И.* Эмоция как ценность. – Москва: Издательство политической литературы, 1978. – 272 с.

Дземидок 1974 – *Дземидок Б.* О комическом. – Москва: Прогресс, 1974. – 224 с.

Дудар 1992 – *Дудар Хь.* ГуфIэгъуэ щаци. – Налшык: Эльбрус, 1992. – 320 н. (на каб.-черк. яз.)

Ермакова 2011 – *Ермакова О.П.* Ирония и ее роль в жизни языка: [Электронный ресурс] учеб. пособие / О. П. Ермакова. – 2-е изд., стереотип.: Флинта; Москва; 2011 [URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3849575](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3849575) (дата обращения: 04.10.23)

Желватых 2006 – *Желватых Т.А.* Текстовое представление иронии как интеллектуальной эмоции (на материале драматургии и прозы М.А. Булгакова): автореф. дисс. ...к.ф.н. – Уфа, 2006. – 26 с.

Заврумов 2016 – *Заврумов З.А.* Имплицитность иронии в семантическом пространстве художественного текста // Вестник РУДН, серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – 2016. – №2. – С. 51-55.

Иванцова 2016 – *Иванцова Е.А.* Ирония как стилистический прием // Электронный журнал «APRIORI. Серия: Гуманитарные науки». – 2016. – №3. [URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ironiya-kak-stilisticheskiy-priyom/viewer](https://cyberleninka.ru/article/n/ironiya-kak-stilisticheskiy-priyom/viewer) (дата обращения: 29.09.2023).

Изард 1980 – *Изард Е.* Эмоции человека. – Москва: Издательство Московского университета, 1980. – 440 с.

Карпова 2011 – *Карпова Ю.А.* Средства выражения эмотивно-эмпатийного взаимодействия в условиях речевого общения // Вестник Пермского университета. – 2011. – Вып. 4 (16). – С.73-79.

Липустина 2023 – *Липустина О.М.* Средства выражения иронии на уровне синтаксиса // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания: материалы VI Международной научно-практической конференции (23–24 марта 2023, Минск). – Минск, 2023. – С. 245-250.

МафIэдз 2014 – *МафIэдз С.* Уэрэд макъамэ. Повестхэр. Рассказхэр. – Налшык: Эльбрус, 2014. – 344 н. (на каб.-черк. яз.).

Нало 2008 – *Нало З.* Адыгэ псалъэгъэпсахэр. – Налшык: Эльбрус, 2008. – 240 н. (на каб.-черк. яз.).

Нало 1981 – *Нало З.* Къру закъуэ. – Налшык: Эльбрус, 1981. – 400 н. (на каб.-черк. яз.).

Налоев 2011 – *Налоев З.М.* Институт джегуако. – Налшык: Тетраграф, 2011. – 408 н.

Нушикян 1986 – *Нушикян Э.А.* Типология интонации эмоциональной речи. – Киев-Одесса: «Вища школа», 1986. – 160 с.

Паси 1980 – *Паси И.* Ирония как эстетическая категория // Марксистско-ленинская эстетика в борьбе за прогрессивное искусство. – Москва, 1980. – С. 60-84.

Паштова 2007 – *Паштова М.М.* Адыгская смеховая культура: контекстуальная обусловленность // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2007. – № 2. – С. 277-284.

Пивоев 1982 – *Пивоев В.М.* Ирония как эстетическая категория // Философские науки. – 1982. – № 4. – С. 54-61.

Пигулевский 2002 – *Пигулевский В.О.* Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму. – Ростов-на-Дону: Фолиант, 2002. – 418 с.

Походня 1989 – *Походня С.И.* Языковые виды и средства реализации иронии. – Киев: Наукова думка, 1989. – 128 с.

СКЧЯ 1999 – *Словарь кабардино-черкесского языка.* – Москва: Дигора, 1999. – 860 с.

Токмакова 2017 – *Токмакова М.Х.* Эмотивная лексика кабардино-черкесского языка. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2017. – 274 с.

Токмакова 2008 – *Токмакова М.Х.* Энантисемиа в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка // Материалы Международной научно-методической конференции «Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации 21 века: когнитивно-концептуальные аспекты» (14-17 мая 2008, Пятигорск). – 2008. – С. 172-173.

Фесенко 2004 – *Фесенко С.Л.* Лингвокогнитивные модели эмоций в контексте национальных культур: дис... канд. филол. наук. – Москва, 2004. – 199 с.

Хьэх 2008 – *Хьэх С.* Курых. – Налшык: Эльбрус, 2008. – 604 н. (на каб.-черк. яз.).

Чуякова 2008 – *Чуякова Н.М.* Сатира и юмор в устном народном творчестве адыгов. – Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2008. – 240 с.

ШэджыхьэщIэ 1980 – *ШэджыхьэщIэ Хь.* ХьэмлатIиф, къэгъээж! – Налшык: Эльбрус, 1980. – 224 н. (на каб.-черк. яз.).

Эбзеева, Ленько 2016 – *Эбзеева Ю.Н.* Лексические средства выражения эмотивности (на материале текстов художественных произведений современных английских, французских и немецких авторов) // Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – 2016. - №1. – С.142-151.

ИутIыж 2003 – *ИутIыж Б.* ГушыIальэ. – Налшык: Эльбрус, 2003. – 348 н. (на каб.-черк. яз.).

ИутIыж 2007 – *ИутIыж Б.* Лъэужь. – Налшык: Эльбрус, 2007. – 628 н. (на каб.-черк. яз.).

REFERENCES

ARNOL'D I.V. *Stilistika sovremennogo anglijskogoazyka* [Stylistics of modern English]. – Leningrad: Prosveshchenie, 1981. – 295 p. (In Russ.).

ARNOL'D I.V. *Stilistika. Sovremennyj anglijskijazyk* [Stylistics. Modern English]. – Moscow: Flinta: Nauka, 2002. – 384 p. (In Russ.).

BAKOV H.I. *Adygskaya literatura: satira i yumor* [Adyghe literature: satire and humor]. – Nalchik: KBIGI, 2013. – 183 p. (In Kabardin-Circassian).

BARYSHNIKOVA G.V., DUBININA I.I. *Leksicheskie sredstva dekodirovaniya implicitno vyrazhennyh emocij* [Lexical means of decoding implicitly expressed emotions] IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. – 2016. – No 12(66): in 4 parts. Part 4. – P. 76-79. (In Russ.).

BGAZHNOKOV B.H. *Antropologiya morali* [Anthropology of morality]. – Nalchik: Izdatel'skij otdel KBIGI [Publishing department of KBIGI], 2010. – 128 p. (In Russ.).

BOGOSLOVSKIJ V.V., KOVALYOV A.G., STENANOV A.A. *Obshchaya psihologiya* [General psychology]. – Moscow: Prosveshchenie, 1981. – 383 p. (In Russ.).

CHUYAKOVA N.M. *Satira i yumor v ustnom narodnom tvorcestve adygov* [Satire and humor in the oral folk art of the Circassians]. – Majkop: *Adygejskoe respublikanskoe knizhnoe izdatel'svo* [Adyghe Republican Book Publishing House], 2008. – 240 p. (In Russ.).

DODONOV B.I. *Emociya kak cennost'* [Emotion as a value]. – Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1978. – 272 p. (In Russ.).

DUDAROV H.M. *Trojnaya radost'* [Triple Joy]. – Nalchik: El'brus, 1992. – 320 p. (In Kabardin-Circassian).

DZEMIDOK B. *O komicheskom* [About the comic]. – Moscow: Progress, 1974. – 224 p. (In Russ.).

EBZEEVA YU.N. *Leksicheskie sredstva vyrazheniya emotivnosti (na materiale tekstov hudozhestvennyh proizvedenij sovremennyh anglijskih, francuzskih i nemeckih avtorov)* [Lexical means of expressing emotiveness (based on the texts of literary works by modern English, French and German authors)]. IN: *Vestnik RUDN, seriya «Russkij i inostrannye yazyki i metodika ih prepoda-*

davaniya» [Bulletin of RUDN University, series “Russian and foreign languages and methods of teaching them”]. – 2016. – No 1. – P.142-151. (In Russ.).

ERMAKOVA O.P. *Ironiya i ee rol' v zhizni yazyka* [Irony and its role in the life of language]: [Elektronnyj resurs] ucheb. posobie / O. P. Ermakova. – 2-e izd., stereotip.: Flinta; Moscow; 2011 URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3849575 (data obrashcheniya: 04.10.23) (In Russ.).

FESENKO S.L. *Lingvokognitivnye modeli emocij v kontekste nacional'nyh kul'tur: dis... k. f. n.* [Linguistic and cognitive models of emotions in the context of national cultures] – Moscow, 2004. – 199 p. (In Russ.).

GUTOV A.M. *Stradayu ya ot skvoznyaka* [I suffer from a draft]. IN: Oshkhamaho. – 2021. – No 4. – P. 40-45. (In Kabardin-Circassian).

HAHOV S.H. *Serdcevena* [Core]. – Nalchik: El'brus, 2008. – 604 p. (In Kabardin-Circassian).

IVANCOVA E.A. *Ironiya kak stilisticheskij priem* [Irony as a stylistic device] IN: *Elektronnyj zhurnal «APRIORI. Seriya: Gumanitarnye nauki»* [Electronic magazine “APRIORI. Series: Humanities”]. – 2016. – No 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ironiya-kak-stilisticheskij-priyom/viewer> (data obrashcheniya: 29.09.2023) (In Russ.).

IZARD E. *Emocii cheloveka* [Human emotions]. – Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1980. – 440 p. (In Russ.).

KARPOVA YU.A. *Sredstva vyrazheniya emotivno-empatijnogo vzaimodejstviya v usloviyah rechevogo obshcheniya* [Means of expressing emotive-empathic interaction in the conditions of verbal communication] IN: *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University]. – 2011. – Issue. 4(16). – P.73-79. (In Russ.).

LIPUSTINA O.M. *Sredstva vyrazheniya ironii na urovne sintaksisa sintaksisa* [Means of expressing irony at the syntax level] IN: *Inostrannye yazyki: innovacii, perspektivy issledovaniya i prepodavaniya: materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (23–24 marta 2023, Minsk)* [Foreign languages: innovations, prospects for research and teaching: materials of the VI International Scientific and Practical Conference (March 23–24, 2023, Minsk)]. – 2023. – P.245-250. (In Russ.).

MAFEDZEV S.H. *Melodiya pesni: Povesti i rasskazy* [Melody of the song: Tales and stories]. – Nalchik: El'brus, 2014. – 344 p. (In Kabardin-Circassian).

NALOEV 3.M. *Adygsкая paremiologiya* [Adyghe paremiology]. Nalchik: El'brus, 2008. – 240 p. (In Kabardin-Circassian).

NALOEV 3.M. *Institut dzheguako* [Jaguaco Institute]. – Nalchik: Tetragraf, 2011. – 408 p. (In Russ.).

NALOEV 3.M. *Odinokij zhuravl'* [Lonely crane]. – Nalchik: El'brus, 1981. – 400 p. (In Kabardin-Circassian).

NUSHIKYAN E.A. *Tipologiya intonacii emocional'noj rechi* [Typology of intonation of emotional speech]. – Kiev-Odessa: «Vishcha shkola», 1986. – 160 p. (In Russ.).

PASHTOVA M.M. *Adygsкая smekhovaya kul'tura: kontekstual'naya obuslovlennost'* [Adyghe laughter culture: contextual conditioning]. IN: *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Adyghe State University]. – 2007. – No 2. – P. 277-284. (In Russ.).

PASI I. *Ironiya kak esteticheskaya kategoriya* [Irony as an aesthetic category]. IN: *Marksistsko-leninskaya estetika v bor'be za progressivnoe iskusstvo* [Marxist-Leninist aesthetics in the struggle for progressive art]. – Moscow, 1980. – P. 60-84. (In Russ.).

PIGULEVSKIY V.O. *Ironiya i vymysel: ot romantizma k postmodernizmu* [Irony and fiction: from romanticism to postmodernism]. – Rostov-na-Donu: Foliant, 2002. – 418 p. (In Russ.).

PIVOEV V.M. *Ironiya kak esteticheskaya kategoriya* [Irony as an aesthetic category]. IN: *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. – 1982. – No 4. – P.54-61. (In Russ.).

POHODNYA S.I. *Yazykovye vidy i sredstva realizacii ironii* [Language types and means of realizing irony]. – Kiev: Naukova dumka, 1989. – 128 p. (In Russ.).

SHEKIHACHEV H.T. *Hamlativ, vozvrashchajsy!* [Hamlativ, come back!]. – Nalchik: El'brus, 1980. – 224 p. (In Kabardin-Circassian).

Slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka [Dictionary of the Kabardian-Circassian language]. – Moscow: Digora, 1999. – 860 p. (In Russ., In Kabardin-Circassian).

ТОКМАКОВА М.Н. *Emotivnaya leksika kabardino-cherkesskogo yazyka* [Emotive vocabulary of the Kabardian-Circassian language]. – Nalchik: *Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh* [: M. and V. Kotlyarov Publishing House], 2017. – 274 p. (In Russ.).

ТОКМАКОВА М.Н. *Enantiosemiya v emotivnoj leksike kabardino-cherkesskogo yazyka* [Enantiosemy in the emotive vocabulary of the Kabardian-Circassian language]. IN: *Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii «Russkoyazychie i bi(poli)lingvizm v mezhkul'turnoj kommunikacii 21 veka: kognitivno-konceptual'nye aspekty» (14-17 maya 2008, Pyatigorsk)* [Materials of the International scientific and methodological conference “Russian language and bi(poly)lingualism in intercultural communication of the 21st century: cognitive and conceptual aspects” (May 14-17, 2008, Pyatigorsk)]. – 2008. – P. 172-173. (In Russ.).

УТИЗНЕВ В.К. *Sled* [Track]. – Nalchik: El'brus, 2007. – 628 p. (In Kabardin-Circassian).

УТИЗНЕВ В.К. *YUmor, satira* [Humor, satire]. – Nalchik: El'brus, 1981. – 400 p. (In Kabardin-Circassian).

ЗАВРУМОВ З.А. *Implicitnost' ironii v semanticheskom prostranstve hudozhestvennogo teksta* [Implicitness of irony in the semantic space of a literary text]. IN: *Vestnik RUDN, seriya «Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika»* [RUDN University Bulletin, series “Theory of Language. Semiotics. Semantics”]. – 2016. – No 2. – P.51-55. (In Russ.).

ЗЕЛВАТЫН Т.А. *Tekstovoe predstavlenie ironii kak intellektual'noj emocii (na materiale dramaturgii i prozy M.A. Bulgakova): avtoref. diss. ...k.f.n.* [Textual representation of irony as an intellectual emotion (based on the drama and prose of M.A. Bulgakov)]. – Ufa, 2006. – 26 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Б.Ч. Бижоев – доктор филологических наук.

М.Х. Токмакова – кандидат филологических наук.

Information about the authors

B.Ch. Bizhoev – Doctor of Science (Philology).

M.H. Tokmakova – Candidate of Science (Philology).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.02.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 21.02.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.